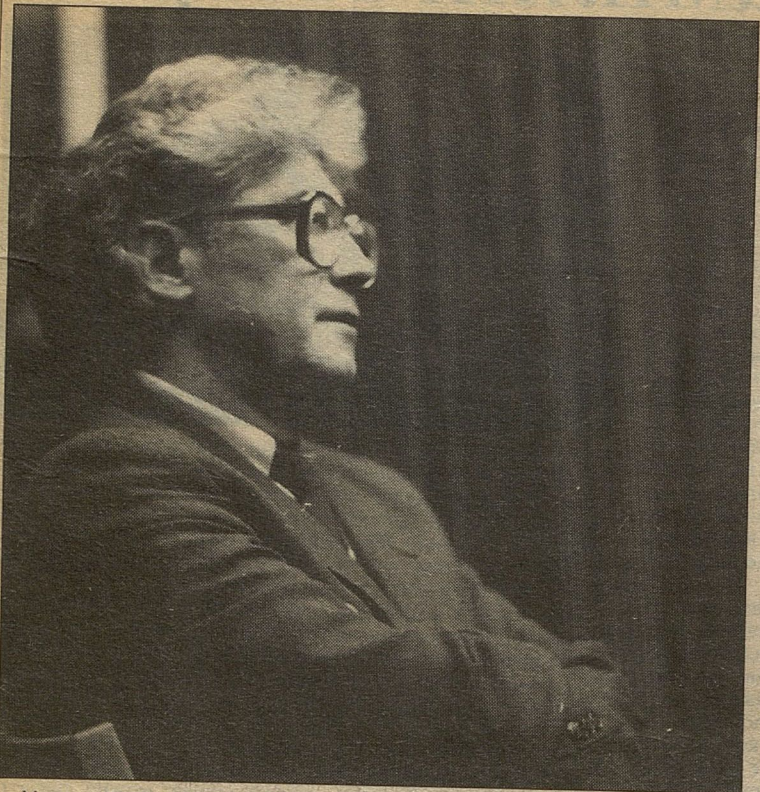

Умер Борис Александрович Львов-Анохин. Мы знали о его далеко не богатырском здоровье, о его слабом сердце, — но удар, сразивший нас утром 14 апреля, был слишком внезапным. Ведь он уже вышел из больницы, уже приезжал в театр. Мы ждали его на спектакль 15 апреля, на его последний и любимый спектакль. Но 14-го на рассвете его не стало.

Страшная, невосполнимая потеря не только для нашего театра, который он возглавлял последнее десятилетие, но и для всего теат-

рального мира, более того — для всей русской культуры. Прекрасный режиссер, тонкий и глубокий балетный и театральный критик, театровед, человек поистине энциклопедических знаний и какой-то несомненной интеллигентности, он был удивительно сердечным и мягким в общении — впрочем, человеческая чуткость и деликатность сочетались в нем с неколебимой твердостью эстетических принципов, строгостью художественного вкуса.

Те, кто знал его лично, его лю-

били. Те, кто не был с ним знаком, любили его за созданные им спектакли: от выходивших из зала людей не раз приходилось слышать слова благодарности. Его постановки отличались изящной простотой и в то же время истинной красотой сценической формы в сочетании с глубокой внутренней философией: как того требовал Станиславский, они были "продавцу спичек понятны, а академику интересны". Но главное, они несли в себе столь мощный заряд положительной энергии, столько добра и света, что выражение "целительная сила искусства" подчас приобретало свой буквальный смысл.

Последние месяцы Борис Александрович работал над пьесой М.М.Рощина по роману графа Евг. Салиаса "Ширь и мах" (Миллион). Это грандиозное историческое полотно о князе Потемкине он давно задумал, и вот, в конце апреля намеревался, наконец, приступить к репетициям. Не суждено. Последней его работой осталась "Московские истории о любви и браке", блестящий спектакль, такой же светлый и добрый, каким был он сам. Спектакль, открывший нам хрестоматийного Островского как нового, незнакомого драматурга, "русского Оскара Уайльда".

Впрочем, творческий путь Львова-Анохина был богат открытиями с тех самых пор, как в 50-х годах он начинал свою режиссерскую деятельность под руководством А.Д.Попова (которого всю жизнь считал своим учителем) в ЦТСА. Его "Фабричная девчонка" и "Добрязки" открыли драматургов А.М.Володина и Л.Г.Зорина. "Профессия миссис Уоррен" Б.Шоу, "Средство Макропулоса" К.Чапека и "Каса маре" И.Друце заставили

вновь заговорить о Любви Добржанской. Потом было блистательное шестилетие в театре имени К.С.Станиславского: "Материнское поле" Ч.Айтматова с той же Добржанской, "Анна" М.А.Ганиной с великолепной Риммой Быковой, "Шестое июля" М.Шатрова с непривычно жестким Лениным — Алексеем Глазыриным, "Антигона" Ж.Ануя, в которой Евгений Леонов и Елизавета Никищихина, до того игравшие лишь комедийные, характерные роли, впервые раскрылись как актеры серьезного драматического, даже трагического дарования. Но затем был закрыт "Доктор Штокман" Г.Ибсена: кто-то наверху усмотрел в герое Георгия Буркова крамольное сходство с опальным Солженицыным. Не позволили ставить "Эвридику" — дабы не допустить превращения театра Станиславского в "театр Ануя".

И десять лет Львов-Анохин был отлучен от профессии. Впрочем, режиссура не была единственным его призванием: книги и статьи Бориса Александровича об актерах балета получили высочайшее признание как со стороны коллег ("поэтом балетной мысли" называла его В.М.Красовская), так и тех, о ком он писал, — Галины Улановой, Аллы Шелест, Владимира Васильева, Екатерины Максимовой и многих других.

В 1979-м он вновь пришел в театр — в Малый театр. Тогда в "Мамуре" Ж.Сармана и "Холопах" П.П.Гнедича неузнаваемо преобразилась Е.Н.Гоголева. Львов-Анохин искренне радовался, когда ему удавалось открыть новый талант или с неожиданной стороны раскрыть кого-то давно известного, будь то драматург (как всеми забытый Петр Гнедич) или актер. Будучи человеком добрым и рани-

мым, он не раз бывал предан, и как все люди чистой, открытой души, перед предательством был абсолютно беззащитен, всякий раз удивляясь ему с почти детской наивностью. Но ничто не могло заставить его ожесточиться, он, не смотря ни на что, доверял людям и любил тех, с кем работал, и тех, о ком писал. Как любил и свои спектакли: "Орленок" Э.Ростана, "Опасные связи" по Ш. де Лакло, "Письма Асперна" с Эддой Урусовой, словно возродившейся в этой работе, "Героическую комедию" Ф.Брукнера, "Реванш королевы, или Новеллы Маргариты Наваррской" Э.Скриба и Э.Легюве.

Он многого не успел. Осталась незаконченной его последняя книга об Улановой, перед которой он преклонялся и которую так ненадолго пережил. Но и того, что им сделано, вполне довольно, чтобы оценить, наконец, масштаб его личности — не секрет, что при жизни он так и не дождался признания, которого давным-давно заслужил. Возможно, одной из причин стала его непричастность театральной и политической "тусовке", упорное неприятие всяческой суеТЫ, всего, что не имело отношения к творчеству — единственному, что было по-настоящему важным в его жизни.

Еще слишком свежа, невыразимо велика боль этой утраты, но все же мы благодарны судьбе за те годы — какими бы короткими они ни казались теперь, — что нам было позволено провести рядом с ним. Спасибо Вам, Борис Александрович! Светлая Вам память!

Коллектив Московского
Нового драматического
театра

Экран и сцена - 2000. - апр (№15) - 43

Львов-Анохин Борис
Александрович

4. 2000.